

Глава 1

Ярослав

Меня зовут Ярослав, и я живу в детском доме.

Семнадцать лет назад моя мама родила меня и тут же написала отказную. Я был ей не нужен.

Я слышал, что младенцы много кричат. Может, поэтому она меня оставила? Не смогла выдержать моего ора? В таком случае она поторопилась с выводами. Очень скоро я понял, что плакать и звать на помощь бесполезно. Никто не придет. Никто не поможет.

Лет в семь я часто рассматривал себя в зеркале, пытаюсь докопаться до сути: почему все же мама меня бросила? С чего взяла, что я «некачественный»? Может, ноги у меня были кривоваты? Или лицо слишком цветло веснушками? Ведь во всем остальном я был самым обычным, как все детдомовцы. Ни лучше ни хуже. Русые волосы, зеленые глаза, две руки, две ноги.

Уже позже я узнал, что родительница отказалась от меня не из-за изъянов во внешности. Выяснилось, что она была наркозависимой и через пару лет после моего рождения повесилась. Мать не могла справиться с собственной никчемной жизнью, так зачем же породила еще одну? Почему не сделала аборт?

Вот, например, котят, которые никому не нужны, — топят. Я считаю, это гуманно. Так почему же

никто не проявит гуманности по отношению к человеческим детенышам, которые обречены на жизнь без любви?

Я — бракованный товар.

Государственный иждивенец.

Человек без детства.

Беспризорник.

О том, что мир жесток и несправедлив, я узнал очень рано. В детском доме ночная нянечка нещадно лупила тех, кто писался ночью в кровать. Иди, попробуй в темноте доберись до туалета и найди свой горшок. Помню, было очень страшно, да и писать хотелось нестерпимо. Но я все же шел. Шлепал босыми ногами по полу в ночи, упрашивая свой мочевого пузырь немного потерпеть. Уж очень не хотелось получать от нянечки по жопе.

Но мне не повезло. Даже в ту ночь, когда моя кровать была сухой, нянечка все равно огрела меня лопаткой. Так сказать, для профилактики.

Будучи круглым сиротой, я быстро понял простую истину: для того чтобы жить, нужно вертеться. Доверять в этом мире никому нельзя. Каждый ищет выгоду только для себя, всех волнует исключительно своя задница. Ну и, конечно, классика — выживает сильнейший. Поэтому, если хочешь уцелеть, не стесняйся бить первым.

За свою жизнь я сменил несколько детских домов, и, как ни странно, порядки везде были примерно одинаковые: дедовщина, уважение к физической силе и пренебрежительное отношение к дисциплине.

Когда в первый раз оказываешься в новом коллективе, нужно действовать быстро: вычисляешь, кто тут главный, подходишь к нему и даешь в морду. Надо постараться вырубить придурка, и тогда твоя жизнь будет менее говенной: заработаешь определенный авторитет, и тебя не загнобят на пустом месте. А если главный вырубит тебя, то, считай, не по-

везло. Будешь выполнять унизительные поручения и спать в шкафу.

У меня было по-всякому: и так и эдак. В последнем детдоме я нахожусь уже шесть лет и довольно неплохо устроился. По роже почти не получаю, если только от своих, и то за дело. Сейчас я уже старший, поэтому меня не трогают. Боятся.

Первый раз нос мне сломали лет в восемь. Признаться честно, это было не так уж и больно. Ну, по крайней мере, не больнее, чем ломать руку или получить сотрясение мозга. В последующие годы мой нос хрустел еще раза три. Очевидно, кость не всегда срасталась правильно, так что теперь я похож на бойца ММА. Но мне, по большому счету, плевать на свою внешность — в интернате не так уж много зеркал, поэтому видеть свою кривоносную рожу приходится нечасто.

Знаете, жизнь в детском доме заставляет принимать правила игры, даже если они тебе не очень нравятся. Не скажу, что я получал особое удовольствие от того, что макал Никиту Сидорова головой в унитаз. Или, что мне было приятно толпой пинать лежащего на земле Олега Иванова. Но я рассуждал примерно так: меня макали, и я макаю, меня пинали, и я пинаю. Согласен, примитивно и жестоко. Ну а как иначе?

Дымить я начал лет в девять. Не так уж и рано по меркам детдома. Тогда все вокруг курили, и я, увы, не стал исключением. В моем неразвитом мозгу просто не возникло мысли, что можно делать что-то по-другому, не как все. Отличаться было невыгодно — если ты не в стаде, значит, ты враг. А врагов надо бить. Нещадно и безжалостно.

Мой первый поцелуй случился в одиннадцать. Помнится, ее звали Полиной. Она была на пару лет старше и много понимала в этом. Говоря откровенно, мне не очень понравилось целоваться с ней. От Полины исходил какой-то приторный, то ли цветочный, то ли медовый запах, и когда она прижима-

лась ко мне всем телом, я начинал задыхаться. Уж не знаю, что это были за духи, но настоящие цветы так омерзительно никогда не пахнут. В этом я уверен.

Полина всегда очень густо красилась, и мне с трудом удавалось разглядеть ее саму за тоннами пудры и теней. А когда ее волосы цвета выжженной на солнце пшеницы касались моей шеи, мне делалось совсем дурно. Потому что они были очень сухие и кололись, словно солома.

Если честно, я тогда сильно разочаровался в отношениях с противоположным полом и недоумевал, чего все так с этим носятся. В жизни были вещи куда приятнее. Сникерс, например. Или холодное пиво в жару. Конечно, повзрослев, я немного поднаторел в этом деле, и иной раз мне правда случалось получать удовольствие от процесса, но я все равно считал поцелуи вещью переоцененной и излишне распиаренной.

Моего лучшего друга зовут Сева. Не поверите, но его судьба еще более дерьмовая, чем моя. Когда Севке было двенадцать, его усыновила супружеская пара, которая не имела своих детей.

Надо сказать, что подростки на рынке усыновления — товар второго сорта. Все стремятся взять к себе в семью новорожденного отказника или хотя бы малыша до трех лет. Такое желание вполне объяснимо: маленького ребенка гораздо легче изначально воспитать под себя, чем переделывать уже частично сформировавшегося тинейджера.

Но Севке повезло. У него была невероятно милая мордашка: синие глаза, пепельные волосы и правильные черты лица. По меркам детдома друг был настоящим красавцем. А у красавцев всегда больше шансов понравиться взрослым.

Однако семейная идиллия Севы продолжалась недолго. Спустя семь месяцев после усыновления его сдали обратно в детдом. Видимо, супружеская пара

поняла, что приобрела товар с брачком, и поспешила вернуть его в «магазин».

Когда я спрашивал друга, каково это — жить в семье, он отвечал, что непривычно. Ему было в диковинку есть не по расписанию, быть одному в своей комнате и осознать, что кому-то есть до него дело.

Севку выперли за то, что он украл у приемных родителей пятьсот рублей. Поначалу я недоумевал, почему он так лажанулся, ведь нам с самого детства внушали, что быть усыновленным — это наша самая большая мечта.

Но потом до меня дошло, что двенадцать лет детдомовской жизни в условиях жесткой социальной изоляции и в отсутствии любви нельзя просто взять и смыть в унитаз. Сева, как и все воспитанники интернатов, был жестоким волчком, неспособным ни принимать, ни дарить любовь. Он не доверял взрослым. А с чего ему было им доверять? Его всю жизнь бросали. Всю жизнь он был ненужным, нежеланным.

И вот, оказавшись в семье, Севка не поверил в то, что он дома, в безопасности. Друг просто не знал, что такое «дом». Ему нужны были доказательства родительской любви, и он добивался их довольно изощренными способами: спорил, не ночевал дома, напивался, дрался, воровал. Сева словно хотел услышать волшебную фразу: «Мы любим тебя, несмотря ни на что. Несмотря на то, что ты жалкий, плохой, девиантный». Его поведение было своего рода проверкой. Друг стремился убедиться в том, что он и вправду нужен своим новым родителям. Такой, какой есть.

Но, к сожалению, реальный мир суров: такой, какой есть, ты никому не нужен. Никто не хочет любить агрессивного, озлобленного, дикого подростка. Вероятно, именно поэтому приемные родители Севы вернули его обратно. Они сказали, что те краденые пятьсот рублей стали для них последней каплей.

На самом деле, их сложно винить в содеянном. Эти люди сами не росли в детдоме, так откуда ж им было знать, что беспризорник и «домашний» ребенок — это как небо и земля, совершенно разные? Им просто хотелось любить и дарить заботу, но они абсолютно не были готовы к тому, что свою любовь придется доказывать.

По правде, я, как настоящая сволочь, радовался тому, что Севку сдали обратно в приют. Потому что я скучал по нему. Друг был единственным в мире человеком, к которому я испытывал что-то, отдаленно напоминающее привязанность.

Нам с Севкой всегда было весело вместе. На уроках мы сидели за одной партой и плевались в девчонку мелкими бумажными шарикам через корпус ручки. На переменах слонялись по коридорам и придумывали обидные прозвища злобным воспиталкам. Ну а по вечерам, расшугав мелкоту в компьютерном классе, с азартом рубились в онлайн-игры.

По моему рассказу у вас, наверное, сложилось впечатление, что я полный отморозок и совершенно потерял для общества. В целом, это, конечно, так, но все же не совсем.

Как ни странно, с самого раннего возраста мне хорошо давалась математика. Цифры я любил гораздо больше людей. С ними все было ясно как день — они подчинялись простым и понятным законам логики. Без всяких там эмоциональных составляющих.

Из-за моей склонности к точным наукам меня постоянно направляли на всякие олимпиады, где я периодически занимал призовые места. Один раз даже на российский тур вышел, и мне удалось повидать Москву.

Короче говоря, успехи в математике были единственным пунктом моей никчемной биографии, выгодно отличавшим меня от серой массы детдомовцев. А еще они являлись основной причиной, по ко-

торой руководство интерната закрывало глаза на мое не всегда примерное поведение.

Вот, пожалуй, и все, что вам стоит знать о семнадцати годах никудышной жизни беспризорника. Наверное, следующие семнадцать лет прошли бы в том же унылом ключе, без особых изменений, если бы не одна судьбоносная встреча, которая в корне поменяла мой привычный мир, перевернув его с ног на голову.

Глава 2

Алиса

Меня зовут Алиса, и я хочу изменить этот мир к лучшему.

Я считаю, что каждый из нас может и должен делать что-то хорошее. Час состоит из минут, рубль из копеек, а счастливая реальность из маленьких добрых дел.

Наверное, в этом и состоит смысл жизни. Нужно стремиться к тому, чтобы после твоей смерти мир был чуть добрее, красивее и справедливее, чем до твоего рождения.

Мать Тереза, Далай-лама, Нельсон Мандела — эти люди верили в важность добрых поступков. Они делали все, что в их силах, чтобы улучшить мир вокруг себя. И их вера в правое дело принесла свои плоды.

Когда я была ребенком, то стремилась всем «причинить» помощь. Мне казалось, что помогать — это самое благородное дело на свете. Я сыпала щедротами направо и налево, иногда забывая спросить людей о том, нуждаются они в моем содействии или нет. Мне казалось, это само собой разумеющееся и помощь нужна всем: бездомным животным, пенсионерам, школьным техничкам, одноклассникам, учителям. Я готова была делиться едой, временем, умениями и советами.

Последние, кстати, сослужили мне плохую службу. Оказалось, что непрощеный совет вызывает у людей неприязнь и даже агрессию. «Но я же всего лишь хотела помочь!» — недоуменно говорила я, когда сталкивалась с раздражением на лицах собеседников, утомленных моими проповедями.

С возрастом я поняла, что навязчивость в любом ее проявлении отталкивает людей. Мой настрой стал более спокойным, душевные порывы не такими бурными, но от своих идей я так и не отказалась.

На данный момент я состою в самой крупной волонтерской организации в нашем городе: мы собираем деньги на лечение больных детей, навещаем пожилых людей в домах престарелых, кормим голодных животных и ездим с обучающими мастер-классами в детские дома.

От всего этого я чувствую себя по-настоящему счастливой и нужной.

К сожалению, никто в семье не разделяет моих взглядов. Ни мать, ни отец, ни даже сестры. Глядя на своих родственников, я порой думаю о том, что меня подменили в роддоме, настолько сильно я от них отличаюсь.

Нет, чисто внешнее сходство, конечно, отрицать сложно. Каштановые волосы, светло-карие глаза, пухлые губы — мы с сестрами копии отца и между собой очень похожи. Только вот самая старшая из нас, Белла, высокая и тощая, словно модель, а мы с Венерой, средней сестрой, коротышки.

Разница в возрасте у нас небольшая: Белле двадцать два, Венере двадцать, ну а мне вот-вот стукнет восемнадцать. Но, несмотря на это, мы никогда не были действительно близки. У Венеры и Беллы много общего: они вместе гуляют по магазинам, зачитываются глянцевыми журналами, дважды в месяц ходят на маникюр, а по выходным тусуются в лучших клубах нашего города.

Мне же это все неинтересно. Я не крашу ногти, да и вообще крашусь очень мало. Модным журналам предпочитаю книги. Причем желательно библиотечные, потому что они хранят историю.

Мне нравится представлять людей, которое читали книги до меня. Это могла быть пятиклассница, поссорившаяся с лучшей подругой и ищущая утешение в трогательной истории. Или молодой студент, который впервые в жизни влюбился, а захватывающий роман помогает ему подыскать нужные слова для описания чувств к той самой.

Читая, я всегда воображаю, как пятиклассница или студент пробегали по этим строкам до меня. О чем они думали? Коснулось ли написанное их души? Запомнилось ли оно им?

А еще я люблю нюхать книги. Говоря откровенно, они пахнут лучше, чем самые дорогие духи Беллы. Книжки для меня — живые. Не знаю, к счастью или к сожалению, но именно они являются моими лучшими друзьями. Порой живущие на бумажных страницах истории кажутся мне гораздо умнее и интереснее сверстников, ведь, читая и размышляя над прочитанным, можно найти ответы даже на самые непростые вопросы.

Но не подумайте ничего такого! Я очень люблю людей! И моя любовь ничуть не меньше от того, что с ними мне обычно гораздо скучнее, чем с книгами. Все люди в душе добры и по-своему красивы. Просто иную красоту надо разглядеть. Я это знаю точно.

Что еще вам рассказать про себя? Ах да, чуть не забыла упомянуть родителей. Они у меня очень обеспеченные люди. Мы живем в большом красивом доме, расположенном в элитном коттеджном поселке. А еще у нас есть чудесный садик, за которым я с удовольствием ухаживаю.

Мой отец — успешный бизнесмен, а мама после замужества не работала ни дня. Денег у нас всегда было достаточно. И на вещи, и на развлечения,

и на путешествия. Правда, иногда мне кажется, что отцовские доходы несколько испортили моих сестер. Порой они бывают слишком меркантильными: оценивают людей по одежде и не соглашаются встречаться с парнями без машины.

Хотя теперь времена их первых свиданий в прошлом. Обе сестры состоят в отношениях. Месяц назад Белла получила от своего Анатолия предложение руки и сердца, и теперь наша семья готовится к пышной свадьбе.

Анатолию тридцать четыре, и, по-моему, он уже начал лысеть. Вы знаете, у мужчин порой бывает так, что волосы над лбом становятся очень-очень редкими и образуют форму сердечка. Со стороны это выглядит довольно забавно, но Беллу, кажется, не смущает. Может, потому что Анатолий, занимаясь строительством торговых центров, очень хорошо зарабатывает и ездит на автомобиле, который стоит, как двухкомнатная квартира?

Но это так, мое предположение. Я вовсе не исключаю вероятности существования большой и светлой любви между ними.

Кстати, Венера, наверное, тоже скоро выйдет замуж. Ну, по крайней мере, она говорит об этом не менее пятнадцати раз на дню. Seriously, я считала. До помолвки Беллы эта цифра была в три раза меньше.

Венера уже довольно давно встречается с Федом. Он сын влиятельного банкира и в целом неплохой парень. Правда, частенько доводит сестру до слез тем, что регулярно тусуется в клубах в обществе сомнительных девиц. Но, с другой стороны, чего она ожидала от парня, с которым познакомилась в баре и переспала на втором свидании?

По сравнению с личной жизнью Венеры, напоминающей кипящий страстями бразильский сериал с бурными ссорами и не менее бурными примирениями, моя больше походит на документальное кино о космосе.

Я и Артем вместе уже много лет. Мы познакомились, когда мне было четырнадцать, и сразу понравились друг другу. Наши отцы — давние бизнес-партнеры, поэтому окружение всячески способствовало нашему союзу. Ну а я... Не видела смысла перечить.

Артем старше меня всего на три года. Умен, обаятелен и красив. Он тоже любит книги, учится на юриста и, как говорит моя мама, имеет перспективное будущее. В общем, почему бы и нет? По общепринятым меркам вполне достойный кандидат.

Обычно мы с Артемом видимся раза три в неделю: он забирает меня после школы и ведет в какой-нибудь «приличный» ресторан. Артем вообще очень щепетилен в вопросах приличия. Он ходит только в «приличные» магазины, стрижется только в «приличных» барбершопах и общается только с «приличными» людьми.

Иногда я подшучиваю над ним из-за этого, но Артем говорит, что я еще маленькая и многого не понимаю. «Связи и статус в обществе решают все!» — поясняет он, когда я в очередной раз высмеиваю его стремление везде и всегда производить благоприятное впечатление.

После ресторана мы иногда ходим в кино, а иногда просто гуляем. Еще Артем часто бывает у меня дома, и родители встречают его как дорогого гостя. Особенно мама: тут же начинает суетиться, наливает чай и достает самые вкусные конфеты.

Кстати, сладости в нашем доме всегда хранятся в верхнем ящике кухонного гарнитура, до которого так просто не дотянешься. Все дело в том, что в нашей семье конфеты и печенье едим только мы с отцом. Мать и сестры одержимы манией сохранения фигуры, поэтому убирают вкусняшки подальше от своих глаз. Ну, чтобы лишний раз ими не соблазняться.

Мы же с папой по поводу фигуры особо не заморачиваемся, так что едим сладкого столько, сколько

хотим. Мой отец вообще живет и действует так, как пожелает. Захотел уехать на рыбалку на три дня — уехал. Захотел купить себе новый автомобиль — купил. С мамой он практически не совещается, но она особо не возражает, ведь его денег хватает и на то, чтобы она тоже ни в чем себя не ограничивала.

Что касается моих сокровенных желаний, то у меня есть мечта, о которой никто не знает. Я бы хотела стать известной поэтессой. Как Цветаева или Ахматова.

Дело в том, что уже несколько лет я пишу стихи. Разные. В основном про жизнь, про книжных персонажей и про совершенствование мира. Пишу в стол, потому что мне страшно их кому-то показать. В этих стихах моя душа. Такая, какая есть. А показывать обнаженную душу всегда боязно. Вдруг обсмеют, обругают или скажут, что неталантливо? А душа у меня очень ранимая, от таких слов сразу заболит. Поэтому я совсем не уверена, хватит ли у меня смелости на то, чтобы показать свои творения миру...

Вот так вкратце можно описать мою жизнь. Ничего особо впечатляющего или фантастического, но я ее люблю. Обожаю свой дом, очаровательный садик, волонтеров-единомышленников, родителей и даже сумасбродных сестриц. В моей жизни все размеренно и спокойно. И мне нравится этот покой.

Поэтому, если бы кто-то сказал мне, что совсем скоро моя жизнь повернется на сто восемьдесят градусов и уже никогда не станет прежней, я бы не поверила.

А зря.

Глава 3

Ярослав

Семь утра. Подъем. Зарядка. Завтрак. Все, как всегда. Утренний распорядок за семнадцать лет жизни настолько прочно въелся в мой мозг, что вряд ли у меня когда-нибудь получится просыпаться в другое время.

— Чего от тебя директриса-то хочет? — склонившись над творожной запеканкой, спросил Сева.

— Без понятия, — пожал плечами я.

— Странно. Ведь только три дня назад из лагеря вернулись. Когда ты успел накосячить? — искренне недоумевал друг.

— Чего гадать? После завтрака и узнаю.

У меня, и правда, не было предположений, с чего это я вдруг понадобился директрисе нашего детского дома в августе, еще до начала занятий. С бухлом вроде не палился, Юлька из лагеря залететь не могла, сигареты не воровал.

Директриса была женщиной лет пятидесяти с короткими седыми волосами и вечно поджатými губами. Наверное, ее рот деформировался из-за того, что ей по сто раз на дню приходилось разруливать всякие отстойные ситуации с воспитанниками, персоналом, полицией и многочисленными проверяющими органами, которые регулярно к нам навевывались.

